

Кристина Хуцишвили

DEVIANT

роман

Москва, 2017

УДК 821.161.1
ББК 84(5Рос=Рус)6-44
Х98

Дизайн обложки Анна Маловичко

Хуцишвили, К.
Х98 DEVIANT / К. Хуцишвили. — М. : РИПОЛ
классик / T8RUGRAM, 2017. — 254 с.

ISBN 978-5-519-50775-2

В погоне за успехом он постоянно откладывал «жизнь» на завтра. Но оказалось, что его мир хрупок, как карточный домик, и судьбы не будет.

Сегодня — ты лидер, завтра — они просто не поздороваются с тобой за руку. Ведь болезнь не входит в число понятий, которые обсуждаются на коктейле по случаю очередной сделки.

DEVIANT — история блестящих молодых людей.

Классическая тема лишнего человека, гордыни и антураже нового капитализма, кризиса финансов и ценностей.

УДК 821.161.1
ББК 84(5Рос=Рус)6-44
BIC FA
BISAC FIC020000

© Кристина Хуцишвили, 2012
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2012
© T8RUGRAM,
оформление, 2017

ISBN 978-5-519-50775-2

Данная книга является художественным произведением. Все действующие лица и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и событиями — случайно.

*Живые знают, что умрут, а мертвые
ничего не знают.*

Екклесиаст 9:5

— Здесь загадка. Как ты думаешь, что будет, если на пути неостановимой силы окажется несдвигаемый объект?

— Неостановимая сила обогнет несдвигаемый объект.

— Неправильно.

— А какой ответ?

— Как будто сам не знаешь. Неостановимая сила остановится, несдвигаемый объект — сдвинется*.

*Мне кажется, я взялась за неподъемную для своего возраста
тему и потому не имею права на ошибку.*

Я верю, что, написав сердцем, смогу помочь...

Ну что ж, начнем.

На моих часах — 22.00,

ваши — на единичку запаздывают.

Memento mori. У нас мало времени.

* Философская загадка, приведенная в романе И. Бэнкса «Шаги по стеклу».

* * *

*У меня был выбор с того дня, как я был рожден,
И были голоса, что говорили мне, что хорошо,
а что плохо.*

*Если бы я их слушал, то сейчас был бы не здесь.
Я живу и умираю с выбором, который я сделал.*

Леонард Коэн

Я приближаюсь к ней. Ее лицо не лишено драматизма, я приближаю его, рассматриваю в разных ракурсах, поворачиваю и так и эдак. В ней есть драма, несомненно. В ней есть и стиль. Как там? *I heard she had a style...* И у Синатры этот стиль — приближение. *She sang as if he knew me in all my dark despair...* Она пела так, будто знала всю глубину моего отчаяния...

Я снова и снова приближаю ее лицо. Рассматриваю подробно каждую морщинку. Когда-то она говорила, что первые морщинки появляются у женщины в двадцать пять лет. По-моему, это здорово — можно любить каждую — *каждую* — черточку взросления, каждую боль, обиду, рану, которая делала ее лучше, чище...

Можно вот так любить. Приближать лицо — всегда иметь в распоряжении. Рассматривать и так, и эдак. Не будучи пойманным за руку. Смотреть, видеть — оставаться при этом невидимым. Держать на расстоянии вытянутой руки. Обладать. Иметь право.

Что же до морщинок, мне все-таки кажется сильным преувеличением этот рубеж — 25 лет. Не очень-то я в него верю. Но в этом что-то есть.

Лимонов, кажется, в одном интервью говорил: нет, нельзя любить женщину тридцати лет, нужно — моложе. Ведь чем дальше, тем больше мужских обид, и женщина уже не та, и взаимоотношения не те, и *история* не случится.

Я в это не верю. Это как раз пример страхов, комплексов, чего-то искусственного, навязанного.

Женщины в этом смысле гораздо лучше мужчин.

Она была гораздо лучше меня.

Она всегда будет гораздо лучше меня.

Когда женщина любит мужчину — она любит всю его жизнь, его ошибки — прошлые и настоящие, каждый рубец на душе и каждую морщину. Это совершенно точно.

А теперь — немного меня. В противном случае получается, что я мимикрирую — пытаюсь представить себя лучше через бренд под названием «мужчина». Не совсем так. Попробую вспомнить — в маркетинге, в пиаре, есть такой... способ поднять уровень бренда, лежащий на поверхности. Идея в том, чтобы притянуть что-то априори хорошее: сильную личность, чистого человека — и заявить о связи. И тогда позитивный эффект, лояльность, аудитория — все это плавно перетечет в твой карман. Окатит тебя солнцем, морем и счастьем, которое ты не заслужил.

Притом что я любил довольно интересную женщину, я был немного придурком. Самодовольным, са-

молюбивым, ехидным, умным, даже блестящим. Есть типаж отличников-ботаников, тихонь, которые впоследствии эффектно выстреливают. Я же был всеобщим любимцем, не бабником, гордецом. Все должны были меня обожать и делать так, как нужно мне. Возможно, ничего не изменилось бы и в новых обстоятельствах. Я писал странные вещи, во мне было много патетики — я отлично говорил, писал плохо, но с нервом, поэтому все шло на ура. При этом я, в отличие от многих, понимал, что писал плохо. И периодически садился тренироваться для себя. Моя любовь писала очень хорошо, — как я мог в чем-то уступить женщине?

Да, я писал и такое. Сейчас, через годы, мне кажется — это не плохо и не хорошо. Это патетично. В те годы, когда о гуманитарной, дискуссионной части и думать забыли — как, впрочем, и о нефти с газом в контексте потенциальных «кормушек», отдав предпочтение инвестбанкам, хеджфондам и прочему в том же духе, — меня смутно тревожила идеология, политика, история. Вот, к примеру: вы думаете, западники и славянофилы — вестники небытия, страницы из истории Отечества? А вот и нет, они среди нас.

Всегда находятся люди, подпадающие под типизацию, искать недолго. Есть и сквозная категория, тип людей пассионарных, отчасти по-гумилевски, отчасти — ввиду молодости и неопытности. Те, которые насквозь, — люди молодые, верящие, может, и верующие,

желающие кроить мир по своему усмотрению. Невооруженным глазом в них видится какая-то детская мечта. Как ни странно, такой тип, создавая новое, и вправду меняет мир. Точнее, мир испокон веков меняется силами людей именно такого типа, вопреки всем скептикам и циникам. Критики лишь обобщают пустые слова, и, согласитесь, сотрясение воздуха на одной чаше весов, а продукт, мир совершенствующий, — на другой...

И тут уж все понятно. Одни тратят дыхание попусту, а другие ищут новые комбинации, прямо по Шумпетеру. И не поверите, находят — в разных уголках Земли во все времена рождаются таланты и гении, этот штучный продукт, программа, запускающаяся сама по себе, но только для этого нужны минимальные условия. Частью эти люди, если верить социологам, лелеют некий аналог американской мечты. А может, не американской вовсе. Но мультикультурность в основе основ — совершенно точно. Западные ориентиры, свобода, возможности, весь мир у ног. Усердие, страсть, жертвенность — во имя идеалов: гуманизма ли, науки, искусства. Но если короче — через талант и кропотливый труд — к той же мечте. Стартовые условия у всех разные, кому как повезет. Кто-то почти сразу понимает свой замысел, потихоньку учится с этим жить, а другие хоть и отражают глазами лучики света, но особенного предназначения у них вроде бы и нет. Зачем они пришли на эту землю, чего хотят? Они сами — последние, у кого нужно искать ответ на этот во-

прос. Едва родившись, оказываются в конфликте с окружающим миром и, не сумев раскрыться, просто ждут и надеются на шанс.

Но есть и другие люди. Все остальные. У них нет единых ценностей, они верят в разное, а чаще не верят даже себе. Социологи постмодернизма разделяют их на два типа — «вестерн» и «истерн». Западники и славянофилы — так можно сказать. Исчерпывающе, но неоригинально, разве что добавить вечно пограничное почвенничество, неопределенность и равнодушные.

Западники хотят работать в мультинациональных корпорациях, усердно учат языки, *ротируются, релокируются*, одним фактом своего существования стирая границы, начертанные в умах их родителей.

Их 15 процентов. Остальные 85 процентов — скажем так, славянофилы. Они зарабатывают не меньше, но приоритеты здесь совсем другие. Они несут все в дом, им не нужен мир весь и целиком, им хорошо спится без драм Чехова, которыми больше века восторгается Запад. Да и вообще без драм. Им тепло на своем отдельно взятом осколке.

Славянофилы сложнее западников, в них много этой богатырской, опасной, красивой русскости. Они другие — отдыхают в Турции, Египте и на юге России не потому, что так выходит дешевле, а потому, что там говорят по-русски. Они бывают очень богаты: именно славянофилов обычно пугаются западные инвесторы и консультанты. Им не нравятся презентации *McKinsey*,